

Борис Пильняк

Три Брата

ФТМ

Борис Пильняк

Три Брата

«ФТМ»

Пильняк Б. А.

Три Брата / Б. А. Пильняк — «ФТМ»,

«Там степь, заволжье уперлось – не в Волгу, а в Трех Братьев, которые в географии, кажется, являют собой кусочек Ергеней. Волга узка и пустынна, хоть и нижний здесь начинается плес. Река Караман опоясала Катринштадт, и немцы курят трубки – Трем Братьям и степи...»

© Пильняк Б. А.

© ФТМ

Борис Пильняк

Три брата

I

Память знает эти медовые пряники с горькой миндалиной посреди, – память хранит те медовые дни, как мед мне, пришедшему, в сущности, со всяческих Иргизов. Там степь, заволжье уперлось – не в Волгу, а в Трех Братьев, которые в географии, кажется, являют собой кусочек Ергеней. Волга узка и пустынна, хоть и нижний здесь начинается плес. Река Караман опоясала Катринштадт, и немцы курят трубки – Трем Братьям и степи.

Без четверти семь утра бьют в кирке колокола, и вся колония сидит за столом за кофэ. В семь утра бьют в кирке колокола, и вся колония за работой. Памятью – я смотрю в окно дома Gross-Mutter: одинокий верблюд утверждает Азию, «ночь Азии», «змеиную мудрость» и драконов – змеиной шеей, драконьей головой и степным спокойствием, – не даром «спокойствие» и «степь» созвучны. За окном пустынная площадь, пятьдесят градусов жары по реомюру и колокольня кирки, которая плавится зноем, – а там дальше, кажется в тридцати шагах, стоят Три Брата. Генрих Карлэ, друг моего детства, говорит у окна:

– Wollen wir spazieren gehen? – мне, переводящему на русский, очень смешно: – «хотим мы итти гулять»?

В без-четверти двенадцать бьют на кирке колокола (металлический, не русский звон), и вся колония сидит за обедом и затем – прикрыв ставни и раздевшись, как на ночь, спит. Мне темно даже читать и я лежу, задрав ноги, грызу пальцы и думаю о том, почему воры не воруют здесь днем, – очень скучно вспоминать, что здесь вообще не воруют. Колокол бьет в три, тогда пьют кофэ, в пять и в восемь. В девять вся колония снова спит, уже на ночь. Рабочий день – колоколом – ликвидируется в пять. В гости ходят от пяти до восьми, до ужина. Гостям дают медовых пряников с горькой миндалиной посреди, рюмочку вина и предлагают сыграть партию домино. Gross-Mutter имеет пять пар туфель, все они стоят у порогов, в одних она ходит по двору, в других по коровнику, в третьих по кухне, в четвертых по столовой, в пятых по гостиной, – это чтобы соблюсти чистоту. Полы моют каждый день, а дом снаружи – по субботам. В коровнике полы моют тоже по субботам. Непонятно – люди для чистоты, или чистота для людей. У Gross-Mutter, на лесенке есть шкаф с вином, я понял, что самое разумное, когда спят днем после двенадцати, обследовать этот шкаф, чтобы на самом деле заснуть к трем. – Мой отец, Андрей Иванович Вогау (Андреас Иоганович)? – русский земский врач. Мы сидим у дяди Александра, тетка Леонтина делает такой вкусный пунш, – мне бы сходит с Ирмой в Катрин-Гартен! – но дело не в этом, дело в том, что Gross-Mutter запирает калитку на замок ровно в восемь, когда бьет колокол на кирке, а сейчас десять, и мой отец сокрушенно стоит у забора, я лезу на забор вперед, отец за мной; на дворе отец шепчет мне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.